

«КУЛЬТУРА ЩЕГОЛЬСТВА» КАК ЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И БЫТА ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА*

Насколько актуально обращение к изучению явления, находящегося на пересечении бытовой сферы и сферы общественного сознания, показывает «специальная тема» одного из последних выпусков главного отечественного этнологического журнала «Этнографическое обозрение», посвященная мусульманским платкам. «Обычный женский платок... в современном общественном сознании становится вдруг острой публичной темой, а та или иная антропологическая и любая другая интерпретация его культурно-религиозных смыслов напрямую оказываются вовлеченными в процесс идеологических, политических и правовых конфликтов и коллизий», – отмечает редакция и формулирует относительно бытовой вещи ряд обществоведческих вопросов: «Является ли женский платок обязательным элементом мусульманской идентичности? Можно ли его назвать признаком угнетения женщины, ее подчиненного и зависимого положения в семье? Входит ли ношение такого платка в противоречие с нормами жизни модернизированного или модернизирующего общества? Почему платок становится, с одной стороны, объектом особого внимания государства, нападков и запретов, а с другой стороны – символом сопротивления и отстаивания права на отличие? Почему платок, который прячет индивидуальность женщины, превращается для многих людей в знамя индивидуальности?»¹

Каким образом явление бытовой культуры – костюм – становится фактором общественного сознания, попытался показать один из «отцов» теории протоиндустриализации и специалист по микроистории Ханс Медик в своей статье «Культура престижа. Одежда и ее расцветка в Лайхингене. 1750–1820 гг.». По его мне-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 04-01-00462а).

нию, центральную роль в этом протестантском швабском местечке играли «самоутверждение и репрезентация при помощи костюма и его цвета»². Автора в первую очередь интересовала конкретная поведенческая практика и ценности, распространенные в местном обществе и проявлявшиеся в манере одеваться.

«На поведение жителей, — пишет он, — постоянно воздействовали местные и идущие сверху «попытки нормализации», которые воспринимались по-разному: в ответ могли последовать одобрение, отказ, вызов, новшества или переосмысление установленных норм»³.

Отечественным аналогом «культуры престижа» применительно к одежде изучаемого времени может быть понятие «щегольства», которое ассоциируется с приходом европейского костюма в петровские времена и включение России в водоворот мировой моды. О «культуре щегольства» при изучении русского дворянства много писал Ю. М. Лотман. Дворянские щеголи «следовали моде». Горнозаводское население Урала, напротив, довольно долго отдавало дань щегольству в рамках традиционного русского костюма, используя лишь «престижный текстиль».

Уже сведения 1770-х гг. по заводам Южного Урала сохранили значительное количество названий таких тканей: александрийка, кумач, сукно, стамед, грезет, кармазинное сукно, каразея, шелк, голь, бархат, тафта, канават, штоф, равендук и др.⁴ В первой половине XIX в. выходную, праздничную одежду продолжали шить из шелка, парчи, (полу)бархата, плиса, фабричного сукна, а также кисеи, коленкора, гаруса. Затем в обиходе рабочих появились различные шерстяные ткани (трик, драп, букле, камлот).

В XVIII в. на южноуральских заводах имелись нарядные: «стамедные», «канаватные» сарафаны⁵. «Лучшие» сарафаны девушек Миасского завода в середине XIX в. были из красных или голубых французских ситцев или гарусных полушелковых материй, украшенных позументами⁶. Зажиточные в Невьянском заводе шили их из шелка или парчи⁷. «Моленные» сарафаны (в которых ходили в церковь, в часовню) жительниц Нижне-Тагильского завода также отделявались позументами. Для приготовления венчального «косоклинника» здесь использовали бархат, тонкий плюш — синего и бордового цветов — или муаровый поплин, который отделявали золотым позументом шириной в три пальца, нашивая поверх него пуговицы⁸.

В середине XIX в. жительницы Нижне-Тагильского завода шивали рубахи, надеваемые под сарафан, шелком, выпуская из-под манжет гипюровые оборки⁹. В Миасском заводе «рукава» руба делали из белой батистовой кисеи, «лучшего» ситца, миткали ил белого коленкора «с заплетьями и без заплетьев», застегивая во ротник запонками и пуговками или «шпильками с глазочками» («со стеклянными разных цветов головками»)¹⁰.

Под рубашку и сарафан надевали нижнюю юбку. В Нижне Тагильском заводе такие юбки обычно шили с подзором «станушка» — верх пестрядиный, низ из цветной покупной ткани с оборкой. При выходе на улицу было принято приподымать край сарафана, из-под которого выглядывал такой подзор¹¹.

Жительницы Невьянского и Нижне-Тагильского заводов в XVIII в. носили кокошники, украшенные серебрянным и золотым шитьем по сложному рисунку¹². Красочностью и богатством отделки им не уступали головные уборы женщин Верхне- и Нижне-Тройцкого и Усень-Ивановского заводов в 1770-е гг. В источниках описываются кокошники «голевой красный», «голевой жаркой с зернами», «голевой с золотым позументом», бархатный, «бархатный с золотым голунцом», штофный, «штофный зернистый», грезетовый, пукетовый, а также чехлики «грезетовые», «тафтяной жаркой», «объяринной с серебрянной сеткой», «тафтяные сборники», фата «коноватная», «александрисккая», «тевресская»¹³.

В первой половине XIX в. по праздникам в Нижне-Тагильском округе одевали парчовые кокошники. Девичья головная повязка была невысокой; она делалась из твердого картона, обтянутого парчой или бархатом и вышивалась мишурой¹⁴. В Пожевском заводе женщины в праздники одевали чепцы, расшитые золотыми нитями и галуном¹⁵.

В XVIII в. получили распространение «набойчатые» «большой руки» и «малой руки» платки, у жительниц южноуральских заводов встречались (полу)шелковые и (полу)«талиянские», «тройные красные» платки¹⁶. В начале XIX в. в обиход вошли шерстяные (кашемировые), шелковые, миткальные так называемые «большие платки»¹⁷. Молодежь Верхне-Уфалейского завода в 1840-е гг. повязывала голову в праздник уже шелковыми платками¹⁸. В будни жительницы Невьянского округа середины XIX в. носили большие ситцевые платки, а в праздники также — шелковые или ковровые шали¹⁹. Жена мастерового Березовского завода Степанида

Мелехина, например, в 1830-е гг. имела «полудедергамовую ранжевого цвету» шаль²⁰. В источниках 1850-х гг. упоминается еще шалевые ковровые косынки (Режевской завод)²¹.

Заводчанки уже в XVIII в. носили самые разнообразные ленты: «золотые», «грезетовые жаркие», «булавчатые тафтяные», алые и зеленые «обьяринные», алые атласные²². Подобной отделкой украшался и такой «прагматичный» элемент женского костюма как фартук. «Среди женщин более зажиточного населения частных заводов в первые годы XIX в., — отмечает В. И. Семеvский, — в большой моде были запоны (фартуки) — ситцевые, кисейные или тафтяные обложенные лентами»²³.

Женские пояса делали из лучших сортов шерсти (портяные) «с красными нитками» или шелка («двойные»)²⁴. Мужчины также носили портяные опояски, шерстяные пояса, суконные, гарусные (полосатые) кушаки²⁵. «Пояся» на мужских рубахах в Миасском заводе были «больше гарусные, у некоторых «именные». И «не совсем тонкие талии заводских красавиц» здесь стягивал широкий гарусный пояс²⁶.

«Лучшие» праздничные рубахи мужчин делали также из красного французского ситца, с косым воротником, застегнутым на большие перламутровые пуговицы, «которые для красы у некоторых нашиваются по косине в два ряда»²⁷. Ближе к середине XIX в. в моду вошли красные «кумашные», «александрийские» и ситцевые рубахи²⁸.

Описывая быт горнозаводских жителей, современники часто подчеркивали, что «в заводах лапти не носят», а ходят в кожаных бахилах и чарках²⁹. Женщины в качестве выходной обуви в середине XIX в. носили «франтоватые ботинки». В праздничные дни жительницы Верхнеуфалейского завода одевали также башмаки, например, красные, «с вышитыми передками»³⁰. Ближе к середине столетия большое распространение получили сапоги. В Нижне-Тагильских заводах — «щегольские» — со складками и сафьянной оторочкой³¹.

«Моды, — писал в начале XIX в. Н. С. Попов, — заимствуют прочих заводов жители... с Невьянского и Нижне-Тагильского заводов, где шить умеют лучше сего роду платье, также вышивать шелком и золотом, приготавливать кокошники и проч., так что с правилами старообрядцев распространяются оттуда по всем частным заводам и тамошний наряд с нововымышленными прекрасами»³².

Замена традиционного, хотя и с «прекрасами», костюма на европейский: на платья, пальто, брюки, сюртуки и пр., началась у горнозаводского населения примерно с 1830–1850-х гг.

С 1830-х гг. в качестве одежды девушек и молодых женщин появились платья. В Березовском заводе носили полуситцевые и ситцевые платья голубого и красного цвета. Так, Степанида Мелехина имела полуситцевое клетчатое платье³³. В 1840-е гг. на Богословских заводах «в простые дни» одевались в платья «из шелковых материй, ситцев, полуситцев и коленкоров», а некоторые – в «круглые» платья из холста³⁴.

По сообщению середины XIX в. из Невьянского завода, ношение сарафанов превратилось в удел «простых» женщин. В Дедюхинском – их одевали только «некоторые старушки»³⁵. Старухи донашивали «плисовые, полубархатные и шитые золотом душегрейки», старики – армяки и понитки³⁶. Фата и накидка также превратились в одежду старшего поколения. Парчевые кички высотой «в 3/4 аршина» даже старообрядцы употребляли только в качестве венчального убора³⁷.

В 1820-х гг. появились картузы, в 1830-х гг. – фуражки. Чаще всего их изготавливали из сукна или пуха и носили по праздникам³⁸. В середине XIX в. в обиход вошли так называемые «круглые» шляпы³⁹. У молодых жителей Невьянского завода в 1850-е гг. появились «модные столичные» рубашки-визитки⁴⁰. «Приличной» одеждой стали брюки⁴¹. К середине столетия у рабочих «позажиточнее» появились сюртуки и пальто⁴². Женщины молодых возрастов в качестве праздничной одежды стали носить пальто и бурнусы⁴³.

Автор описания Нижне-Тагильского округа середины XIX в. подчеркивал, что перемены в одежде к тому времени коснулись лишь молодых людей: «Это, однако, относится только к новому поколению, уже успевшему познакомиться с папиросами и всем вздором, принадлежащим вертопрашеству; старики же носят бороду, длинные сюртуки, стригутся в кружок, и жены их повязываются»⁴⁴.

Люди пожилого возраста предпочитали более строгие виды одежды со старым покроем (без сборок и клиньев, прямую, а не отрезную в талии и более длинную), как правило, неярких, «спокойных» тонов. Они могли быть весьма негативно настроены к заимствованиям из иной социальной среды. Так, отставной мас-

теровой Березовского завода Гаврила Пьянков в прошении 1823 г. среди прегрешений своей молодой снохи указал следующее: «начала заводить неприличествующее званию своему платье»⁴⁵.

«Старики до сих пор, – писали о жителях Ижевского завода в 1880 г., – придерживаются прежнего покойного зипуна или азяма и длиннополого кафтана. В молодом поколении решительно преобладает уже куцое пальто, иногда из очень дорогого драпа и с ...бобровым воротником, а летом – “везитка”, с неизбежным открытым жилетом и туго накрахмаленной манишкой»⁴⁶. «Класс пожилых женщин донашивает старое. Тут франтить не для кого, – отмечал в 1889 г. наблюдатель из Чермозского завода. – Обнов не полагается и видна пестрота»⁴⁷. «Народ постарше, – сообщал И. И. Архангельский, – одевается летом в зипуны (халат) шерстяные, самодельные и носит высокие, как цилиндр шляпы. Старшие и народ победнее ходят в лаптях»⁴⁸. В рассказах рабочих о «старой жизни» «Были горы Высокой», приведено описание старика – «в долгой рубахе и подштанниках» и старухи – «в рубахе», «в сарафане с проймами», «кокошник подвязан лямками», которым противостоят воспоминания о своей молодости одного из авторов сборника: «Очень хорошая на мне одежда была – отец нас чисто водил. Барашковая тужурка, костюм суконный синий – брюки, пиджачок и жилетка. Полотняная вышитая рубаха была. Шляпа пуховая»⁴⁹.

Осторожно к «новым веяниям» относилась и такая категория горнозаводского населения, как старообрядцы. Из судебного дела 1747–1760 гг. по поводу семейной ссоры жителей Екатеринбургского завода Ивана и Ксении Резановых следует, что, избивая свою жену, старообрядец Иван приговаривал: «чтоб не носила юбок и рубах с манжетами, а носила б сарафаны, ибо они, раскольники, обычне в новом платье новую веру, а в сарафанах старую полагают веру»⁵⁰.

Однако и староверы со временем попадали под влияние моды. В Невьянском округе во второй половине XIX в. сюртуки, пальто и брюки, по замечанию современника, были «в большом употреблении уже даже между кержаками, не говоря о православных и единоверцах»⁵¹. Д. Н. Мамин-Сибиряк называл «кержанок» не иначе, как «записными щеголихами». В Нижне-Тагильских заводах «национальный наряд раскольников» стал в эти годы «употребляться только для невест». Однако «все без исключения»

старообрядцы продолжали носить здесь бороды и кафтаны, а и жены — сарафаны, покрывая в праздник голову парчовым платком⁵². И толки о том, что «за цветное и новопокройное платье бог посылает на народ кару, священник Ирбитского завода слышал еще в 1862 г.⁵³ При браках старообрядцев с православным постоянно возникали конфликты, когда молодая, принуждаемая новой родней появляться в церкви в сарафане, стеснялась своих подруг⁵⁴.

В крупных промышленных центрах изменения в одежду происходили более интенсивно, чем в заводских селах, где еще продолжали носить сарафаны, домотканые шабуры, зипуны и овчинные нагольные шубы⁵⁵.

Благодаря «новшествам», происходило не только увеличение видов одежды — появились переходные, смешанные варианты костюма. В 1880 г. сообщали о полумещанском, полукрестьянском костюме жительниц Ижевского завода, в среде которых «начинали уже проглядывать мотовство в виде бархатных кацавеек, бурнусов, щегольских ботинок и т. д.»⁵⁶. Однако модные вещи продолжали носить традиционным образом. Несмотря на наличие в гардеробе рабочих Чермозского завода галстуков, жилетов и брюк, признали их костюм «современным» автор начала 1870-х гг. отказался, поскольку они «выставляли рубашку» «сверхбрюк»⁵⁷. Отступлениями от правил, с точки зрения «просвещенной» публики, признавалось ношение горнозаводской молодежью крахмальных рубашек «при отсутствии галстука», а у девушек — перчаток. «По этим признакам, — отмечал в 1889 г. Н. Н. Новокрещенных, — вы узнаете, что тот или эта из класса рабочих»⁵⁸.

Перемены во второй половине XIX в. проявились в том, что «русский костюм» оказался «почти совсем изгнан из употребления», кроме того, «крестьяне стали одеваться не по-крестьянски» «Он и жена его, — сообщалось в 1876 г. о рабочем Ижевского завода, — одеты не по-крестьянски: женщина носит ситцевое платье и кофту, мужчина пальто или сюртук, иногда длиннополый кафтан. Обувь тоже отличается от крестьянской»⁵⁹. Аналогичный процесс наблюдался в Мотовилихинском заводе: «Здесь уже не одеваются по-крестьянски. Нет уже сарафанов, мужских пестрядиных рубах, их везде заменили ситцы. У мужчин пальто и сюртук обычное одевание, у женщин — платья и кофты. То же самое можно сказать и о верхней одежде: бурнусы со всевозможными украшениями и мод-

ные шубы заменили тулупы и полушубки... Обувь у всех также городская: прюнелевые ботинки»⁶⁰. «Прежнего платья или одеяния на мужчинах — армяков, длиннополых кафтанов, почти не видать», — делился в 1889 г. своими наблюдениями об изменении внешнего облика населения Чермозского завода Н.Н.Новокрещенных⁶¹.

Пример жителей Березовского завода свидетельствовал о всеобъемлющем характере преобразований в одежде: «Вместо холщовых рубах и крашениных портов стали одеваться в сорочки из разнообразнейших ситцев, и даже из белого батисту и из разных шерстяных материй с воротничками и нарукавничками, и в панталоны из нанки всех модных цветов; вместо сермяг и зипунов начали носить суконные, триковые и драповые сюртуки, жилеты, брюки, пальты и тальмы; вместо обутков — козловые и смазанные со скрипом сапоги, по 8—10 рублей за пару; вместо шапок и картузов, — пуховые и модные шляпы и фуражки». Такая же эволюция была проделана женским костюмом: «Вместо крашенинных сарафанов стали наряжаться в ситцевые, даже в шелковые и бархатные платья с длинными шлейфами, сплошь и рядом в драповые пальты; вместо котов на ноги надели со скрипом и высокими каблуками башмаки, за которые платят по 3—5 рублей за пару без галош»⁶².

Именно по поводу таких перемен в одежде горнозаводского населения очевидцы стали употреблять понятие «щегольство». Проводником данного явления была молодежь (обоего пола) и женщины, которые «по части нарядов из кожи вон лезут», а посредниками — город и заводские служащие. «Женский пол не токмо нижних чиновников, но мастерового сословия, — сообщали в 1848 г. из Кушвинского завода, — щеголяют»⁶³. Начиная с этого времени, обращение к данной теме стало постоянным при описании заводских жителей. «Пермские губернские ведомости» в 1854 г. сообщали, что праздничная одежда горнозаводских жителей «довольно щеголевата: суконный халат, плисовые шаровары составляют необходимую ее принадлежность для всякого молодого мастерового, а щеголихи начинают уже рядиться в ситцевые платья и носят большие платки»⁶⁴. Д. Петухов в 1864 г. также отмечал, что дедюхинский мастеровой «любит щеголять»⁶⁵. «Одеваются здешние мастеровые, — описывали в это же время жителей Чермозского завода, — действительно щегольски: и все в пальто и в пальмерстоны, бурнусы»⁶⁶. В Суксунском заводе «щегольству» были «подвержены» девушки, «даже из самого бедного разряда»⁶⁷.

В 1881 г. «все население» Березовского завода «охватило с особенной силой непомерное щегольство»⁶⁸.

Отказавшись от крестьянского платья, горнозаводское население стало брать пример с города. Жены и дочери чермозских мастеровых в 1870-е гг. «наряжались подобно городским мешанкам»⁶⁹. «Почти городской характер» стала иметь в 1880-х гг. одежда жителей Суксунского завода, именно это, по наблюдению современника, «отличало их от жителей других селений»⁷⁰. Причиной быстрых перемен в одежде жителей Мотовилихи Р. Рума считал «близость города» (в данном случае Перми), влияние которого, прежде всего, сказывалось «в покрое платья и выборе тканей для него»⁷¹. По мнению этнографов, широкое проникновение элементов городского костюма в рабочую среду Нижнего Тагила происходило в 1880-е – 1890-е гг., к началу XX в. совершенно вытеснив из массового обихода традиционный. С их точки зрения, в области костюма с особой отчетливостью сказались разносторонние контакты между представителями различных социальных слоев населения⁷². «Служащие, – делился своими наблюдениями в 1890 г. И. И. Архангельский, – носят немецкое платье, волосы стригут и часто, как чиновники, бреются. В подражание и рабочая молодежь ходит стриженная, в сюртуках; носит длинные, щегольские сапоги с калошами в сухое даже время»⁷³. Аналогичным образом описывал в эти же годы пристрастия молодого поколения Чермозского завода Н. Н. Новокрещенных: одеваются «чисто в немецкое платье», мужчины носят короткий суконный сюртук, «в крайнем случае, какой-нибудь «пинжак» и сапоги с калошами, «на которые идут первые заработанные деньги и которые носят во всякую погоду лишь для показу»⁷⁴.

Модные новинки: пальто, сюртуки, брюки – приобретали, прежде всего, «зажиточные» заводчане. На наряды (даже женщины) зарабатывали себе сами: «немногие отцы и мужья наряжают своих дочерей и жен за свой счет»⁷⁵. Например, жительницы Кушвинского завода «употребляли... на щегольство» деньги, вырученные от продажи огородных овощей⁷⁶. По наблюдению М. С-ой, «заводские девушки» «заготавливали» себе обновы (например, «баскую турецкую шаль с красными цветами») «в счет будущих благ, которые они надеялись получить во время жнигвенной страды». Другой доходной статьёй для них стали работы по выделке кирпичей. «Мамке велю взять мне ситчику на платьице алинького. – Рассуждала молодая заводчанка. – Пойду ныне под кирпичный сарай – зароблю много»⁷⁷.

«Увлечшись страстью» к щегольству, «бедный и рабочий класс» нередко тратил на «модные и роскошные наряды» последнюю копейку. «Если бы кто-нибудь, увидев в праздничное время здешних чермозских мастеровых, гуляющих по улицам в драповых пальто и пальмерстонах, в лайковых перчатках и круглых шляпах, — пояснял один из авторов, — сделал бы заключение, что благосостояние здесь весьма развито, то сделал бы ошибочное заключение, потому что мастеровые дома спят на голом полу... вповалку... ест семья из одной деревянной чашки»⁷⁸. «В ином доме, — сообщали о ижевских оружейниках, — где видишь крайнюю бедность, где, кроме хлеба, нечего есть, на стене висит одно-два ярких платья и стоят ботинки, стоящие три-четыре рубля»⁷⁹. Уктусские мастеровые также не относились к разряду состоятельных людей. «Но только наступит воскресенье, — отмечал современник, — мастеровой уже не беден. «Жена, жилетку подай, — кричит он, — манишку, подай, брюки подай...»⁸⁰. «Иной, затрудняющийся в насущном пропитании... непременно долгом считает одеться по моде и иметь часы, брошки и т. п.», — писал в 1866 г. об особенностях быта жителей Нижне-Сергинского завода И. Змеев⁸¹.

Бережное отношение к одежде горнозаводское население стремились привить и своим детям. Нерадивых ждал крепкий нагоняй. По рассказу одной из тагильчанок, когда она во время снегопада «отшлепала» подол нового модного платья, то мать «подмоченным подолом» «натыкала» ей «рыло», «чтобы знала я, как надо беречь, подбирать платье, не по снегу его тащить». Урок дочь запомнила на всю жизнь и через много лет вспоминала о том, как «родительница» ее «била, да приговаривала»: «Да шкура ты барабанная, да неряха ты проклятая, много вот тебе уберегешь приданого, вот первое платье на тебя одела, и ты его испортила... На, вот! На, вот! Всю морду разобью... Да одену на тебя холст — будешь тогда помнить, как надо беречь. Я еще бабушкину одежду берегу чистенькую, — вот как берегут! А ты, такая неряха, и дочерям не уберегешь!...»⁸². Видимо, подобные воспитательные меры, наряду с другими, делали свое дело. Н.Н.Новокрещенных, например, писал, что молодежь Чермозского завода одевается «чисто, опрятно»⁸³.

Щегольство проникло даже в детскую одежду. В особых случаях, например, в школу, родители одевали детей «более или менее безукоризненно чистенько, некоторые даже щеголевато»⁸⁴.

Проявлялось «щегольство», прежде всего, в праздничные воскресные дни. «Иной парень либо девка из утлой и кривобокой избы выходят в праздники такими нарядными, что любо посмотреть», — сообщали в 1860-е гг. из Дедюхинского завода⁸⁵. «Нечего и говорить, — писали в 1870-е гг. об ижевских оружейниках, — что во время праздников и самая одежда чище, новее и блистает более яркими цветами»⁸⁶. «Драповые бурнусы, модное пальто, кофты разной материи, платья шерстяные и шелковые, — делился своим наблюдениями И. И. Архангельский, — так и пестрят в праздничное время в церкви и на гулянии»⁸⁷. Жители Нижне-Сергинского завода «во что бы то ни стало» старались «отличиться нарядами летом «на солонцах». По замечанию И. Змиева, именно «тут бывала выставка моды и щегольства»⁸⁸.

Модную одежду приобретали специально для подобного случая. «Счастливый обладатель» «немецкого платья» считал своим долгом «в первый воскресный день показать себя в нем, прогуливаясь по улицам»⁸⁹. «Тогда пойдет с тростью в церковь, — отмечал один из авторов, — станет в позу барина — совсем не мастеровой. Если не в церковь, то пройдет гордой поступью по широкой улице... Как можно подумать, что это тот самый, которого недавно вы видели на морозе в одном изорванном халатишке»⁹⁰.

Платье оставалось дорогой праздничной одеждой. К венцу готовили кашемировое платье голубого или «огненного» цвета. В качестве приданого дочерям родители стали «заводить» модные «туалеты». По рассказам одной тагильчанки, мать сшила ей платье «с высокой талией под самые пазухи с тремя сборками в пять полос», на которое пошло 12 аршин материи. Второе ее платье было сиреневым («цветки на нем разные»), «с пузырями на рукавах» и капюшоном, закрывавшим руки. Появились так называемые «визитные» платья, которые шили из кашемира, например, белого или бордового цвета⁹¹.

В начале пореформенного времени среди горнозаводских модниц наблюдались случаи ношения кринолинов. Для окружающих это был явный признак «конца времен». «Знать последние годики приходят... Глядь, глядь — вон и в карнолине (кринолине) идет. — Ох ты мнечиньки! Да это Лушка-то Фифалишна, дочь плотинного, ой да что это, да, ровно барыня, так с боку на бок и переваливается, да головой своей всякие жеманства выделывает», — передавала М. С-а в 1865 г. на страницах «Пермских губернских ведомостей».

диалог жительниц заводов, расположенных в 37 верстах от Перми. По наблюдениям И. Змиева, в эти же годы «кринолин нередко составлял непрременную принадлежность дочери даже небогатого рабочего» Нижне-Сергинского завода⁹².

В общем употреблении вошли также наколки из сатина, атласа, кружев. Стали носить плюшевые шали, гарусные, затем газовые шарфы и так называемые «сетки» – «файшонки», черные ажурные вязаные косынки⁹³.

Одним из проявлений «культуры щегольства» стало возникновение и распространение среди горнозаводского населения в пореформенный период причесок. Их старались сделать даже для самых неподходящих с точки зрения традиционной морали моментов жизни. «Когда причащаются девицы, – сетовал в 1889 г. Н.Н.Новокрещенных, – то редко видишь древний обычай – распущенные волосы – все норовят сделать какую-нибудь прическу»⁹⁴. Наряду с девушками, отказ замужних женщин от обычая «прятать» волосы привел к изменению их причесок и сказался на всем их облике. «По новейшему фасону, – сообщали в 1880 г. о жительницах Березовского завода, – накрыли головы шелковыми наколками, а плечи такими же шальями, или понаделали на головах начески с накладными, отрезанными от чужой головы, в виде шапки, или распущенной конской гривы, косами, и с гребенками, укорачивая волосы по лбу и вискам и умащая волосы благовонными маслами; персты рук убрали серебряными и золотыми кольцами, кисти у рук – браслетами и нарукавниками с запонками, уши – драгоценными серьгами, к грудям воткнули брошки, на шею надели цепи из золоченых мелких звеньев, и частью из топазовых камней»⁹⁵.

У квалифицированных рабочих появились рубашки «с крахмальной грудью», с которыми носили запонки. С начала XX в. в торжественных случаях и праздничных днях к ним стали повязывать галстук, например, «бантиком»⁹⁶.

Наиболее распространенной обувью у мужчин стали сапоги. Ижевские мастеровые в 1870-е гг. носили сапоги «рантовые с кожаными или резиновыми калошами»⁹⁷. В праздничное время жители Суксунского завода в начале 1880-х гг. щеголяли в «ваксовых» сапогах⁹⁸. В Нижне-Тагильском заводе бытовали сапоги «с набором», лаковые «с борочками», хромовые, шагреневые – выходные. Лаковые сапоги заказывали обычно один раз в жизни к свадьбе, а затем носили по праздникам⁹⁹. «Даже в рабочую пору»

жители Суксунского завода в 1880-е гг. носили сапоги. Лапоть, по словам очевидца, можно было увидеть только «на каком-нибудь бедняке-чернорабочем»¹⁰⁰.

Молодежь и «более состоятельные» предпочитали ботинки и штиблеты¹⁰¹. Ботинки «с высокими подборами, подбитыми медной подковкой, с бантиком наперед», по словам очевидца, были в 1870-е гг. «очень нередки» среди жительниц Ижевского завода¹⁰². В конце XIX – начале XX в. женщины носили башмаки и ботинки на резинке, затем на пуговицах, позже на шнурках. Молодые женщины и девушки «в парадных случаях» стали надевать туфли (кожаные, прюнелевые, фланелевые)¹⁰³.

Культура щегольства проникала даже в производственную одежду, хотя встречала на этом пути препятствия прагматического порядка. «На работе эта обувь считается самой легкой и удобной, тогда ею, – замечал И. И. Архангельский о «непристижных» лаптях, – не гнушаются и заводские франты – молодые рабочие»¹⁰⁴.

Важный элемент рабочей одежды – фартук – стали делать «щегольским» – из хорошего белого холста. Молодежь старалась одевать запон по-богаче, поскольку его обладателя больше «уважали» девчата. Бедняк обзаводился хорошим фартуком, благодаря жене, которая «по обычаю... обязательно приносила в приданое» расшитый красными и синими рисунками белый запон. Если молодожен являлся на работу без невестиного рукоделья, «его дразнили и осмеивали». В производственных условиях «форсистый» передник снимали и надевали простой, «чтобы избавить от частой стирки жену». Однако подрядчики, «мужички позажиточнее» «рассказывали весь день в белоснежных тонких запонах», поскольку «это считалось признаком богатства»¹⁰⁵.

Горные власти также использовали символическую функцию одежды, выдавая ее в качестве награды за «хорошую работу и примерное поведение мастерам и рабочим». Во многих частных и казенных заводах, например, Нижне-Тагильских, Сысертских, Пожевском, Добрянском, Юго-Камском, Березовском, Ижевском, существовал обычай «жалования кафтанами». «Есть здесь, – сообщали в начале 1880-х гг. из Березовского завода, – жалованные за службу царскими кафтанами: два штейгера Никита Кремлев и Афанасий Килунов и один лесовщик, некто Иван Исаков»¹⁰⁶. Хрестоматийную известность приобрела групповая фотография ижевских оружейных мастеров в наградных кафтанах. Подобный

экземпляр, приобретенный в Пожевском заводе для Русского музея, представлял собой длинную однобортную одежду (сшитую из ярко-желтого сукна местной фабрики владельцев Всеволожских), которую надевали, перепоясывая кожаным ремнем с пряжкой или широким матерчатым кушаком¹⁰⁷. В Добрянском заводе «почетные кафтаны» шили из английского сукна. По воспоминаниям Е.А.Лезгина, его отец, искусный мастер кричного дела Юго-Камского завода, также получил суконный халат, в котором «венчалась по очереди чуть ли не вся заводская молодежь»¹⁰⁸. Нижнетагильские мастеровые этот знак отличия тоже надевали в особых случаях. «Многие рабочие, отличающиеся трудолюбием и хорошей нравственностью», — сообщали оттуда в середине XIX в., — носят в праздники бархатные кафтаны, с золотую по подолу бахромоу, жалованные владельцами»¹⁰⁹.

Об усилении престижно-знаковой роли одежды в среде горно-заводского населения свидетельствуют метаморфозы в восприятии фартука и превращение «жалования кафтанами» в широко распространенный обычай. Костюм воспринимался им в качестве «визитной карточки» социальной группы. «Заводского крестьянина, — писал И. И. Архангельский, — вы всегда отличите по платью. Он одет щеголевато»¹¹⁰. В. В. Блажес дал следующую трактовку данному явлению: «Уже в 60-е годы в среде уральской заводской молодежи сформировался идеал красоты, включающий в себя не только умение хорошо трудиться, но и умение по-новому одеваться, по-новому общаться. Утилитарные вещи — пальто, трость, шляпа, манишка, панталоны, веер, сигара — хотя и были «заимствованы» из быта привилегированных классов, в рабочей среде тяготели к превращению в знак, символ, и этим заводская молодежь выделяла, отличала себя от тех же, предположим, крестьян»¹¹¹. Распространение среди рабочих щегольства предоставляло им массу возможностей для противопоставления себя сельским жителям, которые высмеивались, как приверженцы традиционных форм костюма и домашнего ткачества:

*Что Шабурска молодежь —
Хуже, гаже не найдешь:
На них синие рубашки,
Да косые ворота,
На них синие тяжелки*

*Да опояски портяны,
На них шапки холстяны...*

Совершенно иной облик имели жители заводов, в данном случае Александровского:

*Александровская молодежь –
Лучше в свете не найдешь:
Носят розовы рубашки,
По три сотенки в кармашке,
Сапоги с калошами,
На них опояски шелковы,
На них шапки крымковы,
Пальто драповое,
По пяти целковых сапожки...¹¹²*

Щегольство несет в себе элемент подражания, имитации, заимствования. Русское дворянство подражало французскому, горнозаводское население – городскому. Престиж состоял в достижении подобия по принципу – «как у людей». Данная установка превращала одежду в статусный знак равенства, способствуя культурной унификации. Процесс распространения модных фасонов и стандартизации одежды среди горнозаводского населения на примере Чермозского завода описал Н. Н. Новокрещенных: «Если какой-нибудь девушке удалось шить платье удачно, то, глядя на нее, и другие шьют то же самое и видишь на гулянье сотни одинаковых платьев или платков... точно все сговорились»¹¹³.

Поначалу у горнозаводского населения наблюдалось использование заимствованной одежды согласно традиционным навыкам (не заправляя, например, рубашки в брюки) и появление смешанных форм костюма, сочетание деталей в которых было не произвольным, а определялось престижными закономерностями: нарядный аксессуар (галстук, жилет) соседствовал с традиционными предметами костюма. Пренебрегая «цензурой коллектива», отдельные индивиды осмеливались отказываться от традиционного костюма, эпатировать горнозаводскую «публику» кринолинами, тем самым, нанося ущерб традиции, поскольку даже неукоренившиеся «новинки» (те же кринолины в отличие от обычных платьев), уходя, расшатывали незыблемость старого

расчищали путь «сильным» инновациям, ускоряя их превращение в традиции.

Ношение пальмерстонов, кринолинов подчеркивало нарочитое пренебрежение в выходном костюме заводчан прагматическими, трудовыми функциями. Размежевание между праздничной и повседневной одеждой приняло на горнозаводском Урале резкие формы.

Развивающаяся «щегольская» культура ношения одежды эффектность ставила выше эффективности. Здесь уместно вспомнить замечание Ю. М. Лотмана о том, что ошибочно рассматривать щегольскую культуру с тех же позиций, что и ее критики, и видеть в ней лишь уродливую социальную аномалию, «именно в ее недрах вырабатывалось сознание автономности знака, явившееся важным стимулом для формирования личностной культуры»¹¹⁴. Престижно-знаковая функция одежды проявлялась в горнозаводской культуре, прежде всего, по «мужской линии», касаясь женщин только в случае «щегольства». Путь превращения утилитарных вещей в знак были проделан «наградными кафтанам» и «украшенными» запонами, которые указывали на социальное положение носителей. Эта одежда стала символом, с помощью которой воздавали почет и уважение главной отрасли местной промышленности.

Возвращаясь к статье Х. Медика, можно обнаружить ряд параллелей в отношении к одежде уральского горнозаводского населения и жителей швабского местечка. Так, Х. Медик оспаривает заявление П. Бурдые, который при сравнении буржуазной и народной культур, отмечал свойственный «простым людям» «реализм» манеры одеваться. «Наше исследование локальной “культуры престижа”, — пишет Х. Медик, — напротив, показывает, что для всех групп и индивидов одежда являлась способом самовыражения, выходящим за рамки чистой функциональности, основанном, скорее, на понятии чести и даже соотносящимся с такими моральными категориями, как “приличие” и “уважение”»¹¹⁵. Анализ кодекса ношения одежды горнозаводского населения Урала подтверждает это наблюдение.

В свою очередь Х. Медик выразил согласие с утверждением Н.Элиаса о том, что такая связь между честью и ее внешней репрезентацией свойственна для поведения, типичного для конца старого порядка, когда культура внешнего вида играла специфическую роль

шкалы измерения внутренней сущности и социальной значимости каждой личности¹¹⁶. На горнозаводском Урале культура щегольства также получила свое наибольшее развитие в переходный период при смене традиционного костюма на европейский. Следует согласиться и с замечанием Х. Медика о том, что стремление получить признание «по одежке» не стоит смешивать с жадной роскошью или рабским следованием моде, торжествующей над сословными различиями. Целью большинства было «приукрасить» себя с помощью того, что в глазах окружающих символизировало респектабельность. Люди, как могли, имитировали стиль одежды местной аристократии, пока еще не для того, чтобы утвердить свое равное с ней положение, а лишь, чтобы просто показать себя. Демонстрация внешних признаков почтенного положения, несмотря на присутствующие в ней нивелирующие тенденции, в действительности оставалась в рамках «культуры престижа». Такое поведение являлось более типичным, чем нарушение и отрицание правил под влиянием моды¹¹⁷.

У малоимущих, по наблюдениям Х. Медика, было особенно заметно то, что они стремились не столько оплачивать необходимые хозяйственные расходы, сколько иметь «шикарную» одежду¹¹⁸. Аналогичным образом поступало горнозаводское население Урала. Начиная с 1840-х гг. можно говорить о развитии здесь в ущерб другим сферам жизнеобеспечения «культуры щегольства». Практически на всем остальном, в первую очередь на питании, экономили. «Вообще неразборчивость в пище, — отмечал Р. Рума, характеризуя население Мотовилихинского завода, — составляет отличительное свойство нашего народа, но странно, что совершенно не замечается стремление к улучшению продовольствия, между тем как разборчивость к костюму растет чрезвычайно быстро». «Если заводской рабочий, — вторил ему врач Ижевского завода А. Романов, — невзыскателен относительно пищи, то он гораздо требовательнее там, где дело касается одежды»¹¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Специальная тема номера: мусульманские платки // Этнографическое обозрение. 2005, № 3. С. 3.

2. Медик Х. Культура престижа (уважения): одежда и ее расцветка в Лайхингене. 1750–1820 гг. // Анналы на рубеже веков — антология. М., 2002. С. 223.

3. Там же. С. 226.

4. Вагина П. А. Материалы к спецсеминару по истории горно-заводской промышленности и классовой борьбы на Урале второй половины XVIII в. для студентов исторического факультета. Вып. 1. Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Урала второй половины XVIII в.: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, кафедра истории СССР, Свердловск, 1962.

5. Там же.

6. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 88.

7. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18.

8. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 127.

9. Там же. С. 127, 258.

10. Лазарев А. Указ. соч. С. 78.

11. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 127.

12. Чагин Н. Г. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 275.

13. Вагина П. А. Материалы к спецсеминару...

14. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 127, 129; Гуськова Т. К. Некоторые этнографические особенности населения Нижне-Тагильского заводского округа в конце XIX – начале XX в. // Советская этнография, 1958. № 2. С. 40–41.

15. Киселевская С. Пожевский завод // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. Т. 2. С. 24.

16. Вагина П. А. Материалы к спецсеминару...

17. Там же. Д. 1155. Л. 2 об. – 3 об.; Д. 1169. Л. 8 об.

18. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об. – 2.

19. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18.

20. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 951. Л. 12.

21. Там же. Д. 1411. Л. 128–128 об.

22. Вагина П. А. Материалы к спецсеминару...

23. Семеvский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устой. 1882. № 1. С. 126–127.

24. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1113. Л. 6; Д. 1155. Л. 2 об. – 3 об.; Д. 1312. Л. 14–14 об.

25. Там же. Д. 890. Л. 3; Д. 927. Л. 2 об.; Д. 1982. Л. 11 об.; Д. 1973. Л. 4; Д. 2011. Л. 5.

26. Лазарев А. Указ. соч. С. 77–78, 88.

27. Там же.

28. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 890. Л. 3; Д. 955. Л. 4, 9; Д. 1982. Л. 1 об.; Д. 2026. Л. 1 об.; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 257–258; *Вагина П. А.* Материалы к спецсеминару...

29. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

30. Там же. Д. 27. Л. 1 об. – 2; ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 929. Л. 1; *Лазарев А.* Указ. соч. С. 88.

31. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об. – 2; ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2 об. – 3 об.; Д. 2011. Л. 5; Д. 2026. Л. 1 об.; Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 257.

32. *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии Пермь, 1804. Т. 1. С. 239.

33. Там же. Д. 951. Л. 12; Д. 1074. Л. 40 об., 51 об.

34. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

35. Там же. Д. 29. Л. 15 об.; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18.

36. *Р...в Я.* Очерки Среднего Урала и заводской на нем деятельности // ПГВ. 1854. № 37. 37. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 258.

38. Там же; ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2 об. – 3 об.; Д. 2011. Л. 5; Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 257–258.

39. Там же.

40. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18.

41. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18.

42. Там же.

43. Там же.

44. *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 257.

45. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 700. Л. 4.

46. *Андржеевский И.* Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб. 1880. С. 38.

47. *Новокрещенных Н. Н.* Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа, 1892. С. 55.

48. *Архангельский И. И.* Этнографические очерки горнозаводского населения Урала (извлечено из неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» 1890 г.). Пермь, 1891. С. 10.

49. Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни. Свердловск, 1960. С. 59, 68.

50. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 268.

51. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 17–18.

52. *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 258.

53. *Удинцев И.* Ирбитский завод // ПГВ, 1862. № 28. С. 402.

54. *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Указ. соч. С. 131; Были горы Высокой. С. 57.

55. *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Пруралья (XIX – начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1960. Т. 57. С. 140.

56. *Андржеевский И.* Указ. соч. С. 38.

57. *Говорливых З.* Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 290.

58. *Новокрещенных Н. Н.* Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб, 1889. С. 53.

59. *Романов А.* Ижевский оружейный завод // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. СПб., 1876. Отд. 2. С. 8–9.

60. *Рума Р.* Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияния его работ на здоровье рабочих // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 26.

61. *Новокрещенных Н. Н.* Чермозский завод... С. 55.

62. *Топорков А.* Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // ПЕВ. 1881. № 16. С. 87–88.

63. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

64. *Р...в Я.* Указ. соч.

65. *Петухов Д.* Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб., 1864. С. 112.

66. *Кирпищиков М.* Очерк быта мастеровых Чермозского завода, находящегося в Соликамском уезде Пермской губернии // ПГВ. 1864. № 34. С. 238.

67. О Суксунском заводе // ПГВ. 1883. № 54. С. 283.

68. *Топорков А.* Указ. соч. С. 87–88.

69. *Говорливых З.* Указ. соч. С. 290.

70. О Суксунском заводе. С. 283.
71. Рума Р. Указ. соч. С. 26.
72. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 130–131, 13.
73. Архангельский И. И. Указ. соч. С. 9–10.
74. Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод... С. 54.
75. Петухов Д. Указ. соч. С. 112.
76. Архив РГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 об.
77. С-а М. Местные нравы // ПГВ. 1865. № 14. С. 57.
78. Кирпищиков М. Указ. соч. С. 238.
79. Романов А. Указ. соч. С. 8–9.
80. Луканин Ф. Село Уктус // ПГВ. 1865. № 69. С. 276.
81. Змиев И. Указ. соч. С. 43.
82. Были горы Высокой. С. 81.
83. Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод... С. 54.
84. Змиев И. Указ. соч. С. 43.
85. Петухов Д. С. Указ. соч. С. 112.
86. Романов А. Указ. соч. С. 8–9.
87. Архангельский И. И. Указ. соч. С. 10.
88. Змиев И. Указ. соч. С. 43.
89. Андржеевский И. Указ. соч. С. 38.
90. Луканин Ф. Указ. соч. С. 276.
91. Были горы Высокой. С. 81; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 130, 133.
92. С-а М. Указ. соч. С. 57; Змиев И. Указ. соч. С. 43.
93. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 134; Маслов Г. С., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 141.
94. Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод... С. 54. С-а М. Указ. соч. С. 45.
95. Топорков А. Указ. соч. С. 87–88.
96. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 137; Маслов Г. С., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 140.
97. Романов А. Указ. соч. С. 8–9.
98. О Суксунском заводе // ПГВ. 1883. № 54. С. 283.
99. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 138.
100. О Суксунском заводе // ПГВ. 1883. № 54. С. 283.
101. Там же. С. 138; Гусев В. Е. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала // Ученые записки Челябинского государственного педагогического института. 1956. Т. 1. Вып. 1. С. 247.

102. Романов А. Указ. соч. С. 8–9.
103. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 134; Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 140.
104. Архангельский И. И. Указ. соч. С. 10.
105. Были горы Высокой. С. 63.
106. Топорков А. Указ. соч. С. 69.
107. Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 139.
108. Там же; Киселевская С. Добрянский завод // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. Т. 2. С. 101.
109. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 25.
110. Архангельский И. И. Указ. соч. С. 9.
111. Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987. С. 23.
112. Там же.
113. Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод... С. 54.
114. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 374.
115. Медик Х. Указ. соч. С. 224.
116. Там же. С. 224–225.
117. Там же. С. 231, 241.
118. Там же. С. 230.
119. Рума Р. Указ. соч. С. 27; Романов А. Указ. соч. С. 8.